

НИНА СЕВЕРИКОВА
кандидат философских наук

РУССКИЙ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

К 130-летию со дня рождения П. А. Флоренского

Имя Павла Александровича Флоренского (1882–1937) теперь широко известно в научном мире, а в будущем, когда осуществится замысел ученого об издании всех 19 томов произведений, написанных им, может возникнуть целое направление в науке, связанное с его именем.

Личность Флоренского была столь универсальна, энциклопедичность его познаний столь удивительна, что современники называли его новым Леонардо да Винчи. Это был человек великих дарований: его 225 запатентованных открытий в области математики, физики, химии, электродинамики, эстетики, а также его литературные произведения, статьи про музейному делу и искусствоведению до сих пор вызывают удивление и даже спустя полвека воспринимаются как нечто необычное.

Необычным было и само время, которое называют сегодня “серебряным веком” русской культуры. Духовное обновление общества на рубеже XIX–XX веков вызвало необыкновенный расцвет в различных областях культуры, важнейшей частью которой стала русская религиозная философия, утверждавшая примат духовности, поиски путей своеобразного соединения материального и духовного.

В плеяде русских религиозных философов, имена которых долгие десятилетия были под запретом, особое место занимает П. А. Флоренский, стоявший у истоков этого бурного, переломного времени. С. Н. Булгаков отмечает черты высокой духовности в облике своего близкого друга: “Он был для меня не только явлением гениальности, но и произведением искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ; черты внешности мыслителя – благодатная тихость и просветленность – удивительно точно запечатлены на известном нестеровском портрете “Философы”... Духовно выделялся древний эллин...”¹.

Небольшой экскурс в прошлое позволяет установить, откуда у мальчика, жившего в глубокой провинции, проявились черты высокой духовности. Родословие П. А. Флоренского сложилось из четырех сильных ветвей-родов: Флоренских, Соловьевых, Ивановых, Сапаровых. Часть рода Флоренских принадлежала к духовному сословию, часть – к научной области, где Флоренские всегда выступали новаторами, начинателями целых течений и направлений... Интересы Флоренских были разносторонни – история, археология, естествознание, живопись, музыка, литература.

Мать Павла Флоренского Ольга Павловна Сапарова (Саламия Сапарьян), происходила из древнего армянского рода маликов и росла в доме, где вос-

точные обычаи сочетались с европейской роскошью благодаря сношениям семьи с Персией, Индией, Францией. Но, став женой русского инженера путей сообщения Александра Ивановича Флоренского, она обрекла себя на кочевую жизнь, и ко времени рождения первенца — Павла — молодая семья ютилась в товарном вагоне около будущей станции Евлах Елисаветпольской губернии (ныне Азербайджан).

Семья Флоренских и после переезда в Тифлис (1882) продолжает жить уединенной жизнью. Мир семьи, пронизанный теплотой и порядочностью, располагал взрослых и детей к занятиям серьезными науками и искусством. Будущий ученый воспитывался в атмосфере Бетховена и Гёте; “музыку любил неистово”; романс Глинки на стихи Пушкина “Я помню чудное мгновенье” считал воплощением изящества — “уплотненным фокусом культуры... замкнувшим целый век расцвета русского искусства”². Флоренский страстно любил природу: его волновала сдержанная мощь природных форм. Отсюда и пошел тот восторг и интерес к бытию “до самозабвения”, который был характерен для Флоренского всю его жизнь.

От тифлисской гимназии, где он учился с 1893 по 1899 год, по его словам, ничего не ждал; все, что приобрел в интеллектуальном отношении, получил, главным образом, благодаря общению с отцом и усиленной самостоятельной работе. Постоянными спутниками его жизни были серьезные научные труды по физике, химии, геологии, астрономии и энциклопедические словари на всех языках. Страсть к знанию поглощала все его внимание и время, к 15 годам его научное мировоззрение “сложилось и окрепло в непоколебимую систему”³. Но в конце гимназического курса, законченного с золотой медалью, 17-летний юноша, убедившись в ограниченности физического знания, переживает духовный кризис. Два равносильных убеждения раздирали его душу: “истина недоступна” и “невозможно жить без истины”. С чувством того, что истина есть, но путей к ней он пока не знает, Флоренский начал новый период своей жизни, когда в 1900 году стал студентом физико-математического факультета Московского университета.

С тех пор начинается стремительный рост и расширение его научных знаний. Одной из самых близких Флоренскому идей была идея прерывности. Помимо занятий математикой, он посещает лекции на историко-филологическом факультете, самостоятельно изучает историю искусств. Окончив университет с дипломом 1 степени, Флоренский отклонил предложение Н. Е. Жуковского остаться на кафедре математики и в том же 1904-м поступил в Московскую духовную академию.

Что же побудило молодого ученого так резко и неожиданно для родных изменить свой жизненный путь? Действительно, рос он в обстановке индифферентного отношения к религии и был поглощен серьезными научными опытами, а уроки Закона Божия у него вызывали насмешку и даже вражду, однако в глубине души он чувствовал, что есть особая, таинственная область жизни, — и вдруг со всею страстью потянулся к ней. Кризис научного мировоззрения завершился обретением веры в Бога как абсолютную и целостную Истину, на которой должна строиться вся жизнь.

Мысль о познании духовности во всех ее ипостасях вынашивалась им долгие годы — даже в то время, когда он усиленно занимался математикой и физикой. Именно эти науки и привели молодого ученого к признанию формальной возможности теоретических основ общечеловеческого религиозного мирозерцания. Изучая философию и историю, он убеждается: нет множества религий, “а есть одна религия, которая принадлежит всему человечеству, но лишь меняет “свой вид”. Главное в бесчисленных формах религии — “человечность — единственный лозунг, который может быть общим всем людям, который даёт правильное понимание нравственным заповедям и ... не ведет к ожесточению и нетерпимости. Вот что должно быть воспитываемо в людях”⁴, — писал богослов. Одну из ближайших целей практической деятельности Флоренский сформулировал так: “Произвести синтез церковности и светской науки, воспринять все положительные учения Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством...”⁵.

Однако Московская духовная академия во многом не удовлетворяла Флоренского, и он упорно продолжает самостоятельные занятия символической логикой, историей философии, археологией, изучает еврейский язык; организует философский кружок, где читает доклады. За проповедь “Вопль крови”,

произнесенную в марте 1906-го против смертного приговора П. П. Шмидту, он был заключен в Таганскую тюрьму. Далее трагические события следуют одно за другим: умер отец, так много сделавший для всестороннего развития своего сына; скончался духовник Павла — иеромонах Исидор, “печальник за мир, соль земли”; погиб самый близкий друг Флоренского С. С. Троицкий. Сам Флоренский находился в состоянии “тихого бунта”. Его “Воспоминания” открывают возможность подойти к пониманию той эпохи: “В том, что случилось со мною, был пережит разрыв мировой истории. Мне вдруг стало ясно, что “время вышло из пазов своих” и что... кончилось нечто весьма важное не только для меня, но и для истории. Это было ощущение и смертельной тоски, и жгучей боли, и невыносимого сознания, что разрушается то, что строилось величайшими усилиями...”⁶. И все же переходность исторического времени Флоренский ощущает как неизбежную смену типов мировоззрений, “начало освобождения” и всеобщего “воскресения” к новой жизни.

В период учебы в духовной академии его не перестает волновать вопрос о “законности” занятий наукой и философией, который он решает, пройдя через собственный духовный опыт: “Философия каждого народа, до глубочайшей своей сущности, есть раскрытие веры народа... Если возможна русская философия, то только — как философия православная, как философия веры православной”⁷. Эту мысль Флоренский развивает и позже — в лекционных курсах и выступлениях. По его мнению, “философия высока и ценна не сама в себе, а как указующий перст на Христа и для жизни во Христе”⁸.

Значительным событием в жизни Флоренского стало блестящее окончание в 1908 году Московской духовной академии. Его кандидатское сочинение “О религиозной Истине” легло в основу магистерской диссертации (1912) и книги “Столп и утверждение истины” (1914). Главная мысль этого огромного труда выражена предельно лаконично: “Живой религиозный опыт как единственный законный способ познания догматов”⁹. Магистерский диспут и выход книги вызвали громадный интерес и обширную полемику не только в духовных кругах, но и среди общественности. Мнения высказывались самые различные: это не было удивительно в годы идейного размежевания интеллигенции. Е. Н. Трубецкой в докладе “Свет Фаворский и приобретение ума”, посвященном анализу “Столпа...”, назвал книгу выдающимся явлением в новейшей русской богословской литературе: “Давно я не помню, чтобы какая-либо книга мне доставляла такую большую, из глубины сердца идущую радость... Это яркое и красноречивое свидетельство того, что не иссякла в нас жизнь духовная и что под покрывалом мертвечины, окутавшим нашу Церковь, таится живая сила”¹⁰. Главным недостатком книги Трубецкой считает антиномизм, с чем не мог согласиться Н. А. Бердяев, которому как раз импонировала идея антиномии как отражения противоречий действительности. Но при этом в статье “Стилизованное православие” Бердяев, не стесняясь, пишет о “Столпе...” как об “удушливой книге”, при чтении которой “хочется вырваться на свежий воздух, в ширь, на свободу, к творчеству свободного духа человеческого”¹¹.

Бердяеву решительно возражает В. А. Кожевников, сотрудник “Богословского вестника”: высказывания Бердяева о “Столпе...” он счел “жалкой, захлебывающейся бессильною досадою (чтобы не сказать — злобою) инвективой”, а “Столп...” , напротив, назвал “спокойно-величавой” горной вершиной русского православия”¹².

Наиболее справедливую характеристику “Столпу...” дал ректор Московской духовной академии епископ Феодор. По его мнению, “Столп...” занял исключительное место не только в русской, но и в западной философско-богословской литературе: “Сделана полная апология христианской веры как единственной истины”; раскрыта необходимость христианства для человека, уясняется “высший смысл жизни и бытия мира”; это книга “высоко научная; трудно сказать, в какой области научного знания автор не проявил себя специалистом”. Отмечая энциклопедичность знаний Флоренского, епископ Феодор подчеркивает его преимущество в том, что он “везде остается свободным от подавляющего влияния этого научного багажа. Он везде творец и хозяин”¹³.

Созвучна этому отзыву краткая дневниковая запись о книге “Столп...” В. И. Вернадского: “Я страшно ценю самостоятельное творчество... Чувствуется сильная и оригинальная личность”¹⁴.

Чрезвычайно интересна оценка книги самим Флоренским: “Тут делается попытка применить ряд математических понятий и операций, даже не назы-

вая их, применить... к общим вопросам миропонимания, к проблемам духовной жизни, использовать в целях философских самый дух математики. В книге делается первое, для русской, по крайней мере, литературы применение к философии алгоритма символической логики”¹⁵.

“Столп...” можно назвать своеобразной энциклопедией человеческого знания в самых различных областях науки и жизни. О колоссальной работе автора над книгой свидетельствует наличие в ней более 1000 примечаний, обширнейший список литературы и источников, многие из которых — на иностранных языках. Полное название книги — “Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах священника Павла Флоренского” — сразу определяет цель этого оригинального философского произведения. Термин “теодицея” (от греч. “Бог” и “справедливость”) со времени введения его в 1710 г. Лейбницем переводится как “оправдание Бога” и обозначает религиозно-философское учение, стремящееся согласовать идею благого и разумного Божественного управления мира с наличием мирового зла. Сам Флоренский переводит теодицею не только как “оправдание Бога”, но и как “восхождение человека к Богу”, чему, собственно, и посвящен “Столп...”.

Основная проблематика книги носит преимущественно **гносеологический** характер. Флоренский определяет сущность религии как спасение внутреннего мира человека от таящегося в нем хаоса. Религия, “водворяя мир в душе, умиротворяет и целое общество, и всю природу”. **Онтологически** религия, по утверждению Флоренского, “есть жизнь нас в Боге и Бога в нас”. **Феноменологически** — это “система таких действий и переживаний, которые обеспечивают душе **спасение**... равновесие душевной жизни”¹⁶.

Но гносеология Флоренского — это не комплекс взглядов на познание, а сочетание путей для активного богопознания, без которого не может осуществиться ни вхождение в Церковь, ни познание истины. В акте богопознания человек преодолевает присущую ему двойственность: “Когда физик или биолог, или химик, даже психолог, философ и богослов читают с кафедры одно, пишут в научных докладах другое, а дома, в своей семье, с друзьями, чувствуют, вступая в противоречие с существующими предпосылками своей собственной мысли, то не значит ли это, что личность каждого из них разделилась на несколько исключających друг друга?”¹⁷. Следствием двойственной природы человека является антиномичность разума: он “раздроблен и расколот”¹⁸, способствовать же преодолению его антиномичности может только гармонизация человеческого и божественного. Однако противоречие существует как факт бытия: противоречиво бытие — противоречиво и мышление; у Флоренского антиномия — неустраняемая данность, поэтому Истина так же антиномична, как и разум. “Я не знаю, есть ли Истина или нет её. Но я всем нутром ощущаю, что *не могу* без неё. И я знаю, что *если она есть*, то она — всё для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье”¹⁹. Он уверен: вся Истина доступна только Богу, но дело в том, что она, как субъект, активна и может, погружаясь в человеческое пространство и время, обрести признаки личного и общественного.

При стремлении Флоренского отразить в своем учении живой религиозный опыт он выделяет два периода: период теодицеи — “восхождения человека к Богу” и период антроподицеи — “нисхождения Бога к человеку”. Эти два пути “совмещаются в религиозной жизни и лишь методологически могут быть рассматриваемы до известной степени порознь”²⁰. Анализу второго пути посвящена книга “У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Часть 1”, которая построенную теодицею дополняет антроподицеей — учением о мире и человеке в их причастности к Богу. Сакральную (культовую, литургическую) деятельность Флоренский считает первичной, освящающей хозяйство, художественное творчество и мировоззрение — науку и философию. По его мнению, сакральная деятельность — это “символизирующая деятельность духа”²¹. **Символизм**, как характерная черта и теодицеи, и антроподицеи, является “не только методом и творческой формой, но и объектом исследования”. Флоренский считает символы органами нашего общения с реальностью, причем каждый из символов соприкасается с соответствующей ветвью науки — лингвистикой, филологией, физикой, искусствознанием, семиотикой, философией, а все вместе образуют единую парадигму учения о мире и человеке.

Стремление к единству веры и знания, науки и жизни и постижению Истины делает неразделимым творчество Флоренского — религиозного мысли-

теля, священника и ученого. Юношеский замысел синтеза науки и церковности — “в разных сферах её и на разных глубинах”²² нашел свое отражение и в журнале “Богословский вестник”, редактором которого Флоренский был в 1912–17 годах, а в 1927 его назначают редактором “Технической энциклопедии”, для которой он написал около 150 статей на научные темы.

Уникальность работ Флоренского в том, что он стремился синтезировать в единое целое знания самых различных областей. Свою жизненную задачу он понимает “как проложение путей к будущему цельному мировоззрению”²³. По мнению академика Лихачева, “для него не существовало дробления единого знания на привычные нам разделы”²⁴. Религия для Флоренского — это важнейший составной элемент человеческой культуры, и даже в 1923 г., когда основным занятием его стала научная деятельность, он публикует “Записку о христианстве и культуре”, в которой разрабатывает программу преобразования науки и культуры на религиозных началах: по мысли ученого-богослова, и наука, и культура, и религия, выполняя свои функции, “живут согласное, нуждаясь друг в друге и служа единому организму”²⁵. Разработка вопроса о соединении религиозных убеждений и научной материальной деятельности приводит Флоренского к открытиям в разных областях наук.

Раздвинув горизонты науки, он на десятилетия заглянул вперед. Так, в книге “Мнимости в геометрии” (М., 1922) математически предвосхитил то, что в физике наших дней получило название “антимира”; в статье “Физика на службе математики” обсуждает проблему, решение которой привело к созданию аналого-вычислительной машины. И это не единственное проявление его необыкновенного таланта.

Оценивая вклад Флоренского в изучение Платона, один из лучших знатоков античной культуры А. Ф. Лосев писал, что он “дал концепцию платонизма, по глубине и тонкости превосходящую все, что когда-нибудь я читал о Платоне”²⁶.

Флоренский часто говорил о надвигающемся крушении привычных устоев жизни, и революция не была для него неожиданностью. Он живо откликнулся на призыв принять участие в культурном и научно-техническом строительстве в стране. Чувство единения с Россией, с ее народом было столь велико, что он, естественно, не мог покинуть Родину, хотя за границей его ожидала блестящая научная будущность и мировая слава ученого. “Жизнь ему как бы предлагала выбор, — пишет С. Н. Булгаков, — между Соловками и Парижем, но он избрал родину, хотя то были и Соловки”.

Флоренский был первым, кто, служа Церкви, одновременно стал работать в советских учреждениях. В 1918 году его пригласили в комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Так был создан всемирно известный Государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник. В 1921 году Флоренский избран профессором ВХУТЕМАСа, где читает курс “Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях”, разработанный на данных математики, физики, психологии и эстетики. Замечательным открытием его было обоснование правомерности “обратной перспективы”, на которой построена древнерусская живопись: это не промах, а “мужество гения, опрокидывавшего своим чутьем самые рациональные теории”.

Активный характер принимает научно-техническая деятельность ученого: в 1920 году работает на заводе “Карболит” по изготовлению пластмассы из отечественного сырья. В 1921 году переходит на исследовательскую работу в Главэлектро ВСНХ, участвует в VIII электротехническом съезде, где обсуждался план ГОЭЛРО. С 1924 года он — член Центрального электротехнического Совета Главэлектро, начинает работать в Московском объединенном комитете электротехнических норм и правил, создает первую в СССР лабораторию испытаний материалов, где готовит целую плеяду талантливых работников. В книге “Диэлектрики и их техническое применение” (1924) со 100 рисунками, чертежами и диаграммами, выполненными им собственноручно, Флоренский систематизировал новейшие теории, касающиеся изоляционных материалов, и предсказал ряд направлений научного поиска. В 1931 году его избирают в президиум бюро по электроизолирующим материалам Всесоюзного энергетического комитета; в 1932 году включают в комиссию по стандартизации научно-технических обозначений терминов и символов при Совете труда и обороны СССР. Как видно из перечня тех учреждений, где довелось работать

П. А. Флоренскому, он всегда приглашался на работу как специалист высокого класса. Тем более неожиданной была высылка его в Нижний Новгород.

Начало травле было положено еще в 1919-м, когда деятельность комиссии по охране Лавры представили как контрреволюционную попытку создания “православного Ватикана”. Затем ему инкриминировали создание во ВХУТЕМАСе “идеалистической коалиции” с В. А. Фаворским. Жесткой, мягко выражаясь, “критике” подвергли Флоренского за истолкование им теории относительности в работе “Мнимости в геометрии” и за статью “Физика на службе математики”, в которой дано описание электроинтегратора – прототипа современных вычислительных машин.

Из нижегородской ссылки Флоренский был возвращен благодаря ходатайству Е. П. Пешковой, но обстановка в Москве была такой, что Флоренский говорил: “Был в ссылке, вернулся на каторгу”. А 20 июля 1933 года он осужден особой “тройкой” на 10 лет и отправлен по этапу в восточносибирский лагерь “Свободный”; через год – в Соловецкий лагерь особого назначения, где занимался проблемой добычи йода и агар-агара из морских водорослей и сделал более 10 запатентованных научных открытий и изобретений. 25 ноября 1937 года Флоренский был вторично осужден “без права переписки” – это нынче прочитывается однозначно... Дело в отношении П. А. Флоренского прекращено производством за отсутствием в его действиях состава преступления 6 мая 1959 года.

Научная реабилитация его началась с конца 60-х годов. Теперь с его именем связывают синтез гуманитарных и технических наук, что необходимо для утверждения нравственных ориентиров в их развитии. Культура мысли, целостность и глубина научной позиции, деятельность в ее неразрывной связи с окружающим миром – именно эти уроки преподает нам сегодня Флоренский через свое наследие.

Флоренский предупреждал о гибельности бездуховного пути культуры. Но в то время, когда он писал об этом, казалось невероятным, что уже XX век приведет культуру (да и всё человечество) к возможности самоуничтожения.

Мысли Флоренского, провозглашавшего борьбу против всяческой расовой, национальной, индивидуальной обособленности и разобщенности, использует и современная богословская наука. Теологи высказывают мнение, что Флоренский обогатил богословие лучшими достижениями философии, привнес в теологию диалектический метод. Сам же Флоренский, отмечая в диалектическом методе развитие “многих, сплетающихся друг с другом и переходящих друг в друга”²⁷ тем, образующих “единое целое”, в богословии отводил диалектике роль “пульса” к богообщению, считая её процессом мысли – “мысли в её движении”.

Современников поражала не только глубина научных воззрений Флоренского, но и его благоговейное отношение к священству. Получение священства имело жизнеопределяющее значение: он считал это “даром благодати”. По мнению С. Н. Булгакова, его исключительная научная одаренность являлась чем-то “второстепенным и несущественным”, а самым главным в жизни, “духовным центром его личности было его священство”²⁸.

Священство стало переломом в жизни Флоренского. Хотя к советской власти он относился “как к единственной реальной силе, могущей провести улучшение положения массы”²⁹, но за священство в то время заплатил своей жизнью. В письме родным из Соловецкого лагеря от 13 февраля 1937 года Флоренский с горечью писал: “Свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонениями. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни”³⁰.

Примечания

¹ Священник Павел Флоренский. Собр. соч. Статьи по искусству / Под ред. Н. Струве. Париж, 1985. Т. 1. С. 7.

² Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1972. С. 413.

³ Там же. С. 190.

- ⁴ Там же. С. 123.
- ⁵ Цит. по: Андроник, игумен (А. С. Трубачев). Жизнь и судьба. В кн.: Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 8.
- ⁶ См.: Примеч. 2. С. 196–197.
- ⁷ Приветственная речь на юбилейном чествовании А. И. Введенского // Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 191.
- ⁸ Разум и диалектика. Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги “О духовной истине”, Москва, 1912 г., сказанное 19-го мая 1914 года // Там же. С. 142.
- ⁹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. М., 2003. С. 33.
- ¹⁰ Переписка князя Евгения Николаевича Трубецкого и священника Павла Флоренского // Вопросы философии. М., 1989. № 12. С. 3.
- ¹¹ Памятные даты. М., 1989. С. 58.
- ¹² Переписка П. А. Флоренского и В. А. Кожевникова // Вопросы философии. М., 1991. № 6. С. 120.
- ¹³ См.: Примеч. 5. Т. 1. С. 13–14.
- ¹⁴ Новый мир. М., 1989. № 2. С. 194.
- ¹⁵ См.: Примеч. 11. С. 60.
- ¹⁶ См.: Примеч. 8. Разум и диалектика... // Там же. С. 142.
- ¹⁷ Флоренский П. Ближе к жизни мира // Советская культура. 1983, 3 ноября.
- ¹⁸ См.: Примеч. 9. С. 146.
- ¹⁹ Там же. С. 80.
- ²⁰ См.: Примеч. 8. С. 134.
- ²¹ Священник Павел Флоренский. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 2000. Часть первая. Т. 3 (1). С. 427. См. также: Северикова Н. М. П. А. Флоренский о взаимосвязи понятий *религия, искусство, личность*. К выходу в свет первого полного издания книги “У водоразделов мысли” (Черты конкретной метафизики). *Статья первая*. Философские науки. 2004. № 12; *Ее же*. П. А. Флоренский о единстве мира и человека. К выходу в свет первого полного издания книги “У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики)”. *Статья вторая*. Философские науки. 2005. № 1.
- ²² См.: Примеч. 8. Разум и диалектика... // Там же. С. 139.
- ²³ Там же. Т. 1. С. 38.
- ²⁴ Лихачев Д. С. Павел Александрович Флоренский // Философия, история техника. Л. 1989. С. 3.
- ²⁵ Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 2. С. 547.
- ²⁶ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма в мифологии. М., 1930. С. 680.
- ²⁷ См.: Примеч. 8. Разум и диалектика... С. 142.
- ²⁸ Булгаков Сергей, протоиерей. Священник о. Павел Флоренский // См.: Примеч. 1. С. 11.
- ²⁹ См.: Примеч. 5. С. 30.
- ³⁰ Из писем П. А. Флоренского семье об А. С. Пушкине и литературе // Вопросы литературы. 1988. № 1. С. 158.